
ТЕАТР ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ
НЕ ВЫХОДИ НА ПОКЛОН
КНИГА 1
ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева

Не выходи на поклон

https://litres.ru/74828089
SelfPub; 2026

Аннотация

В Кавеле театр каждый вечер показывает завтрашний день. Горожане узнают о штормах, пожарах и несчастных случаях — и не представляют, какую цену платят за это спокойствие.

Девятнадцатилетняя Рута чинит сценические механизмы и привыкла доверять тому, что можно потрогать. Но на репетиции она видит гибель младшего брата. На актёре — настоящая красная шапка Севы, а до предсказанной смерти остаются сутки.

Попытка спасти брата ведёт Руту за кулисы городского чуда, где исчезают люди, а чужие решения становятся частью спектакля. Чтобы изменить исход, ей придётся бросить вызов не только театру, но и тем, кто уверен: без его власти Кавель не переживёт следующий шторм.

Содержание

Глава 1. Дважды утонувший 4
Глава 2. Шапка на верёвке 14
Глава 3. Нельзя никого спасать 21
Глава 4. Цена, которой нет в афише 28
Глава 5. Дверь, нарисованная углём 34
Глава 6. Место под креслами 41
Глава 7. Четвёртый ряд 47
Глава 8. Человек без места 53
Глава 9. Недорогие места 59
Глава 10. Старший по невидимым 65
Глава 11. Чужой голос 71
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Ева Нечаева
Не выходи на поклон

Глава 1. Дважды утонувший

В тот вечер моего брата утопили на сцене дважды.

В первый раз актёр промахнулся мимо люка. Он упал на колени, вцепился в край фанерной лодки и при этом так громко ругнулся, что из-за кулис донеслось короткое, злое шиканье. Во второй раз всё прошло как надо: мальчик заскользил по мокрому настилу, его рука не нашла верёвки, и чёрная вода сомкнулась у него над головой.

Воды, конечно, не было. В подвале стояли два человека, растягивавшие полотно, а за ним вращался барабан с синим стеклом. Когда актёр падал в прорезь, стекло ловило свет, и из зала казалось, будто он уходит на глубину. Я сама два дня переставляла барабан на полладони, чтобы за ним не было видно щели.

Именно поэтому я первой заметила ошибку.

— Стойте! — крикнула я сверху.

Режиссёрский помощник стукнул длинной палкой в пол. Это означало: рабочим молчать.

Я висела на площадке под колосниками, в трёх десятках локтей над сценой, и дышала пылью верёвок. Оттуда люди

внизу казались короче, зато всё, что было нарисовано на декорациях, я видела без обмана. Берег на заднике уходил к северу. А на афише, которую в обед вывесили на Рыбном спуске, утопление случалось у западного волнолома. Там даже лодки такие не ходили.

— Рута, — произнёс снизу Йор, наш старший механик, — спускайся.

Йор так говорил только тогда, когда не собирался спорить.

Я не стала ждать лестницу, пересела на спусковой канат и поехала вниз, обжигая ладони сквозь рукавицы. Страховочная верёвка дёрнула под мышками, когда до пола оставался локоть. Я опустилась рядом с люком. Актёр уже вылез. Из кармана у него торчал мой брат — вернее, красная кожаная шапка Севы, которую тот не снимал даже в жару.

— Где вы её взяли?

Актёр повернул ко мне лицо. На сцене из-под синей краски он был похож на мальчишку, но вблизи я увидела мелкие морщины у глаз, тёмную щетину на подбородке и складку между бровей. Он держал чужую шапку двумя пальцами, будто она могла пачкаться.

— Мне выдали, — сказал он.

— Кто?

— Костюмерная.

— Это шапка моего брата.

Он посмотрел на ткань, на меня, а затем куда-то за моё плечо. Режиссёр Дамира Роск сидела в первом ряду. У неё

на коленях лежали три карандаша, заточенные так остро, что даже с моего места было видно белое дерево на кончиках.

— Сева Бель, — сказала она, не повышая голоса. — Двенадцать лет. Западный волнолом, завтра, шестая вечерняя стража. Всё верно.

Я почувствовала, как остывают пальцы под мокрыми рукавицами.

Сегодня было двадцать третье сухого месяца. Завтра Сева должен был идти на занятия в школу при верфи, а после обеда встретить меня у аптеки. Западный волнолом находился на другом конце города. Он туда никогда не ходил один. Я это знала, потому что всякий раз, когда Сева собирался к воде, мать заставляла его назвать маршрут, а он сердился и рисовал его палочкой на столе.

— Вы перепутали мальчиков, — сказала я.

— Я перепутала берег, — ответила Дамира. — Йор, переставьте второй задник. Девушка может не беспокоиться. Мы показываем то, что увидели стеклянщики.

«Стеклянщики» были людьми, которых никогда не приглашали говорить с рабочими. Они сидели под театром, где в пол вмурованы зеркальные пластины, и до последнего часа перед представлением составляли последовательность завтрашних событий. По крайней мере, так нам рассказывали. Зеркала видели приближающийся день, актёры разыгрывали его перед зрителями, и город заранее готовился к неприятностям. Театр предупреждал о пожарах, болезнях, камнепа-

дах, крушениях лодок. За десять лет, что я помнила, ни один большой шторм не погубил Кавель.

У нас говорили: если можешь увидеть беду до того, как она случилась, у тебя есть время переставить ноги.

Я тоже так говорила. Ещё утром.

— Сева не может утонуть у западного волнолома, — сказала я. — Он завтра в школе.

Дамира подняла один из карандашей.

— Можешь передать это завтрашнему дню. А теперь убери руки с серебра.

Я посмотрела вниз. Под моими пальцами на настиле тянулась узкая полоска краски. Её наносили только перед открытыми представлениями — от люка к рампе. Днём линия выглядела серой, как рыбья чешуя, но при боковом свете начинала мерцать. После каждого спектакля её соскребали вместе с древесной пылью и выносили в закрытых ведёрках.

Я отдёрнула ладони.

— У вас остался час, — сказала Дамира помощнику. — Пусть девочка проверит настил. Без неё завтра никто из нас не сможет встать на подмостки.

Это звучало великодушно. Я знала Дамиру с тринадцати лет: она говорила таким тоном, когда хотела, чтобы человек поблагодарил за то, что его не уволили.

До вечернего представления я успела осмотреть две опоры, заменить обгоревший шнур на боковой кулисе и разыскать Ину. Подруга сидела на полу в красильной, дожидаясь,

пока высохнут её волны. На правой щеке у неё было синее пятно. Под глазами — два белых полумесяца от защитных очков.

— Ты слышала? — спросила я.

— Про Севу? Все слышали. Ты по всему театру орала.

— Это его шапка.

Ина поставила кисть в банку.

— Ты уверена?

— На подкладке заплата. В виде кривой рыбки. Я сама пришивала.

— Тогда спроси, где они её взяли.

— Спросила. Из костюмерной.

Ина закрыла дверь. В красильне сразу стало тихо. Из-за стены доносилось, как кто-то пробует оркестровый барабан — два удара с паузой, снова два. От этой музыки мне захотелось вырвать шнур из крепления, чтобы всё рухнуло и представление отменили.

— Поговори с Левом, — сказала Ина.

— Который утопил моего брата?

— Он сегодня играл Севу. А завтра он не будет Севой. У Льва есть способ узнать, откуда берут настоящие вещи.

— Откуда?

— Я сказала, что есть способ. Если бы знала больше, сама бы пошла.

Я вышла из красильни, не поблагодарив. Ина привыкла к моим манерам, когда я была напугана. В такие дни я забыва-

ла говорить «спасибо» и слишком крепко затягивала узлы.

За полчаса до открытия дверей мать нашла меня у главного блока. На ней была тёмно-зелёная форма капельдинера и серебряная пуговица, заменявшая пропуск. Волосы пахли лимоном — она всегда мыла их перед большим показом, чтобы у публики не было повода жаловаться.

— Сева дома, — сказала она сразу. — Я его закрыла. Он съел две груши и теперь делает вид, что спит.

— Ты его заперла?

— Рута, он просился на волнолом. Сказал, что будет ловить огни за маяком.

Я прислонилась к стойке. В театре кто-то крикнул о недостающей маске, и на миг мне показалось, что это зовут нас.

— Откуда он узнал про огни?

— Не знаю. Пришёл мальчик, оставил ему записку. Сева говорит, что ничего не подписывал.

— Записку покажи.

Мать развернула маленький листок, сложенный в четыре раза. На нём не было имени отправителя. Только короткая фраза: «Шестая стража. Западный волнолом. Не забудь карту». Почерк школьный, буквы низкие и широкие.

— Не отдавай его никому, — сказала я.

— Ты думаешь, я отдам?

Я хотела обнять её. Мать остановила мою руку, потому что на ладони у меня осталась серебряная пыль.

— Смой, — велела она. — И не трогай лицо.

Когда она ушла, из зала послышался первый гул зрителей. Двери открыли. В Кавеле каждый житель мог получить бесплатное место на просмотр завтрашнего дня раз в месяц; остальные платили. Особенно хорошие места покупали семьи, чьих детей накануне показывали на сцене живыми. Люди верили, что увиденное придаёт им уверенности. Сегодняшняя программа обещала благополучный выход рыбацких судов, две удачные сделки на рынке и одного утонувшего мальчика.

Я нашла Льва за кулисой, возле стойки со сменной обувью. Без шапки Севы он оказался выше, чем мне показалось, и ещё моложе. Он оттирал краску с руки жёсткой тряпкой. Кожа под ней покраснела.

— Мне надо знать, кто принёс шапку.

— Рута Бель, — произнёс он.

— Ты знаешь моё имя?

— После твоего спуска с колосников его знают даже мыши.

— Скажи, кто принёс.

Он отбросил тряпку. На костяшках у него остались тёмные следы. Я заметила, что это не краска: длинные царапины были зажившими, одинаковыми на обеих руках.

— Мне выдали её с костюмом. Я не спрашиваю, откуда вещи, потому что тогда не смогу надеть половину того, что мне дают.

— Ты знаешь, что завтра утонет настоящий мальчик?

Он не стал отвечать сразу. Это было хуже уверенного отказа.

— Я видел строку, — сказал он наконец.

— Какую?

— Ту, что скажут со сцены. Слушай внимательно, если хочешь что-нибудь изменить.

— Я уже слышала: Сева Бель, западный волнолом, шестая стража.

— Нет. В конце будет ещё одна фраза. Ты её не пропусти.

Он подошёл ко мне на шаг и с такой осторожностью снял с моего плеча нитку, будто поправлял часть костюма. Там, где он коснулся рукава, стояла метка с серебряной краской.

— И больше не касайся линии, — сказал он.

Я хотела спросить, почему. Но в этот момент зажглась лампа начала, и Лев вышел на сцену.

Из темноты я увидела зал. Сидели торговцы, жёны мореходов, ученики, старики. Мать стояла при входе во второй ряд. Я различила её по прямой спине, хотя лицо было совсем белым от светильников.

Сначала шёл удачный улов: актёры тащили из блестящей синей полосы трёх рыб, каждая размером с человеческую руку. Публика смеялась. Потом свадьба кондитерской дочери; рядом со мной суфлёр шептал, что в действительности жених сбежал две недели назад, но завтра вернётся. После этого помощник ударил палкой три раза.

На сцене появился мой брат.

Лев шёл сутулясь, точно Сева, когда тот хотел казаться старше. На нём была та самая красная шапка. В руках — карта, сложенная неправильным краем наружу. Он ступил на край нарисованного мола, и из-за него поднялось тёмное полотно.

— Шестая вечерняя стража, — сказал объявитель. — Мальчик Сева Бель, двенадцати лет, подходит к западному волнолому.

Лев поднял руку к свету. Он стоял совершенно неподвижно, пока механики поднимали синюю воду.

— Мальчик падает, — произнёс объявитель.

Лев шагнул в люк. По залу прошёл шум, несколько человек охнули. Я сделала движение к канату, хотя знала, что поздно: нельзя остановить барабан, если на нём человек.

Тогда прозвучала последняя фраза.

— Никто не приходит ему на помощь.

Люди зааплодировали. Первый ряд поднял ладони по знаку объявителя. Хлопки пошли дальше, выровнялись; под моими ногами отозвалась серебряная труба. Когда зал попадал в общий ритм, доски начинали дрожать. Я знала этот звук лучше любого оркестрового номера: под боковыми креслами стояли серебряные чаши для усиления голоса, а теперь они, кажется, отзывались на руки зрителей.

В Кавеле хлопали всегда. В конце любой картины, хорошей или дурной, чтобы поблагодарить актёров, не театр. Я сама тысячу раз слышала это из темноты. Но сегодня Лев,

вылезший из люка за кулисой, не поклонился. Он смотрел туда, где я стояла, и тихо, очень отчётливо сказал:

— Теперь у тебя есть до шестой стражи.

Я ударила его по лицу.

Он не успел даже поднять руку. А я не извинилась, потому что в ту минуту сильнее всего на свете хотела ударить кого-нибудь ещё.

Глава 2. Шапка на верёвке

Утром Сева выбрался из дома через окно, которое мать забыла проверить.

Он мог бы просто открыть дверь. Мать не запирала её снаружи, замок был старый и плохо держал. Но Сева любил одерживать маленькие победы над запретами. Для этого он вытащил из кладовки ящик с гвоздями, поставил под окно и привязал к ручке свою красную шапку — чтобы вернуться с моря и найти дорогу по верёвке, как он объяснил бы позднее.

Я застала только шапку. Мать забрала её с театральной вахты ещё ночью; Сева утром выпросил назад и теперь привязал к окну. Она висела над двором и вертелась на ветру, быстро набирая пыль. На подкладке действительно была заплата в виде рыбы.

Мать сидела на табурете с ведром у ног. Она плакала беззвучно, не пытаясь утереть лицо.

— Он час назад ещё был здесь, — сказала она.

Я поняла, что это неправда: табурет успел высохнуть там, где она расплескала воду. Но спрашивать, почему она не пошла искать сына сразу, было нечестно. Я сама не спала всю ночь и под утро задремала, сидя на ступеньке театрального склада.

— Он с картой? — спросила я.

— Карту вчера забрали из школы. Учитель сказал, что они

всё равно будут рисовать заново.

— Какую карту?

Мать подняла голову.

— Волнолома. Сева уже неделю чертит старые причалы. Я думала, это из-за урока по географии.

Я взяла шапку с верёвки, пошла в школу и нашла мальчика, который принёс записку. Его звали Гош. Он стоял под лестницей и увлечённо пытался накормить рыбной костью серую крысу.

— Кто дал тебе письмо для Севы?

— Я не знаю.

— Тогда почему понёс?

— Мне дали четвертак.

— За доставку одной бумажки?

— Ещё велели не открывать.

Гош не выглядел испуганным. Он вытянул руки так, чтобы я увидела обе ладони. На одной лежала рыбная кость, на другой — гвоздь, которым он собирался её расколоть.

— Взрослая женщина? — спросила я.

— Нет. Мужчина в форме. Из вашего театра.

— Какой форме?

— С красным воротником. Красный как твой шнурок.

У меня на запястье действительно была красная нить — её выдавали механикам на подъёмном ярусе. Но у наших форм воротники были серые. Красные носили служащие зала, и ещё один человек: объявитель, чьей обязанностью было про-

износить завтрашние имена.

Я хотела схватить Гоша за плечи и вытрясти из него приметы, но он был маленький и уже смотрел на мою руку. Поэтому я выпрямилась, отдала ему гвоздь и ушла.

В школе сказали, что Сева не приходил. На Рыбном спуске его никто не видел. В аптеке, где мы договорились встретиться, старик-приказчик пожал плечами и предложил мне средство от простуды. В час пополудни я уже искала у старых причалов, где лодки лежали боком на песке, точно дохлые рыбы. До шестой стражи оставалось пять часов.

Я спустилась к воде и стала звать брата по имени. Из горла выходило сначала ровное, спокойное «Сева», потом дребезжащий крик. Люди оборачивались с лодок. Один рыбак показал мне доску с нацарапанным указателем: западный волнолом закрыт, проход запрещён. Я не знала, заметил ли Сева указатель. Возможно, именно поэтому он туда и отправился.

Солнце было ещё высоко, но со стороны моря шёл холодный ветер. Под ногами смещалась мелкая галька. Я не раз видела, как она скатывается с мола вместе с теми, кто торопится перескочить через мокрую ступень. Людей на этом месте в обычный день почти не бывало.

Я нашла красную пуговицу под третьим железным кольцом причала. Она была на Севином рукаве, я пришила её в воскресенье после обеда. От неё тянулась тонкая царапина по ржавчине. Мальчик, должно быть, пролез в зазор, которого не было на карте.

— Не туда, — произнёс кто-то за моей спиной.

Я обернулась. Лев Кайр стоял в сером дорожном плаще, прижимая к груди бумажный пакет. Его лицо по-прежнему было опухшим на левой щеке. Он не пытался это скрыть.

— Ты следишь за мной?

— За тобой оказалось проще, чем за мальчиком. Ты громче.

— Уходи.

— У тебя осталось меньше четырёх часов.

— Я умею считать.

Он протянул мне пакет. Внутри были два хлебца с сыром и маленькая медная свистулька.

— Что это?

— Вещь Севы. Мне её дали для следующей сцены, но я не успел вернуть. Он её узнает.

Я потрясла свистульку. Из неё вылетела крупинка соли. Сева купил её у торговца перед праздником. В воскресенье мы втроём слушали, как она скрипит вместо свиста, пока мать не попросила перестать.

— Почему ты это делаешь? — спросила я.

Лев посмотрел на пустой мол. На его плаще не было ни театрального знака, ни чужой одежды. Я ожидала от него любого объяснения: что он пожалел меня, что ему стало стыдно, что кто-то велел помочь. Он ответил иначе.

— В представлении написали, что никто не придёт ему на помощь. Ты можешь быть там, но не сможешь помочь. Всё

пойдёт так, чтобы у тебя ничего не вышло. Если возьмёшь его за руку — ступишь не туда. Если бросишь верёвку — та порвётся. Ты должна сначала сорвать само место.

— Как это — сорвать?

— Ты знаешь, что держит настил на западном волноломе?

— Конечно знаю.

— Тогда не трогай брата, пока не уберёшь причину падения.

Он сказал это как человек, которому нужны были только технические подробности. Меня трясло от злости. Он сыграл смерть Севы, а теперь собирался объяснять мне, как её предотвратить.

— Ты тоже ходил по молу? — спросила я.

— Сегодня утром. Там кто-то развязал два узла. Не ветром.

Я посмотрела на берег. Старые столбы поддерживали узкую дощатую дорожку. Сева любил ходить туда, потому что под водой были видны металлические рёбра затопленного корабля. Вчерашняя декорация повторяла эти рёбра с необычайной точностью. Значит, кто-то знал место лучше меня и заранее подготовил ловушку.

— Назови того, кто это сделал.

— Не знаю. Но знаю, где сейчас будут искать мальчика. И они не найдут.

Лев пошёл первым. Я не стала брать его за руку, когда надо было прыгать через обломок борта. Ненависть помогала

держать равновесие. Мы пробирались вдоль стены старого склада, пока не вышли на рыжую лестницу, уходившую под мокрые доски.

Там стояла Ина.

Она сидела на перевёрнутой бочке, ноги в воде по щиколотку. В руках у неё была верёвка, которую она пыталась распутать ножом для холста.

— Я попросила её подстраховать, — сказал Лев.

— Когда?

— После того, как ты ударила меня.

Ина подняла голову.

— Я не знала, что он умеет извиняться таким способом. Ты сегодня вообще ела?

— Где Сева?

— За стенкой. Он залез в трюм и не хочет вылезать. Говорит, что нашёл дверь, которую забыли нарисовать.

Из тёмного пролома в деревянной стене донёсся стук. Один раз, затем три. Сева всегда так стучал, когда хотел, чтобы его узнали, но не показывал, где прячется. Он придумал этот знак, когда ему было восемь.

— Не вылезай! — крикнула я.

— Я и не вылезаю, — ответил он изнутри. — У меня тут лестница исчезла.

Лев отступил в сторону, пропуская меня.

До шестой стражи оставалось два часа. Я нащупала деревянный поручень, попробовала его на прочность и услыша-

ла, как где-то глубоко под водой заскрипели железные петли.

— Ина, — сказала я. — Дай нож.

Она протянула его рукоятью вперёд. Это была первая вещь за весь день, которую я получила без объяснений.

Глава 3. Нельзя никого спасать

Лестница не исчезла. Её отвинтили.

На досках остались четыре светлых прямоугольника, там, где раньше лежали железные накладки. Один болт валялся на нижней ступени, и я подняла его: резьба была целой, никто не вырывал крепление силой. Это сделали с инструментом, аккуратно, как делают перед ремонтом. Только ремонта никто не назначал.

— Сева, отойди от стены, — велела я.

— Тут вода поднимается.

Я посмотрела на мокрую линию. Вода приходила медленно, волна за волной, но когда над бухтой вставал вечерний ветер, старый трюм мог наполниться за четверть часа. Лестницы не было. Сева стоял на узком уступе, а между нами темнело пять локтей воды.

— У тебя ноги сухие?

— Пока. Рута, я нашёл дверь. Там с той стороны кто-то ходит.

— Будешь рассказывать, когда выйдешь.

Лев пытался закрепить верёвку за кольцо у входа. Я пригляделась: кольцо держалось на одном болте, второй был наполовину выкручен. Кто-то уже подготовил его к тому, чтобы оно выскочило под тяжестью человека.

— Не трогай, — сказала я. — Здесь нельзя крепить.

— Я вижу.

— Тогда почему держишь?

— Проверяю, не свалится ли, пока мы стоим.

Он отпустил железо и положил на доски верёвку. Сторонний человек на его месте потребовал бы объяснить, в чём ошибка. Лев молча сдвинулся, и это немного ослабило мою злость. У меня не было сил ненавидеть его непрерывно.

Я прошла по узкой полке до соседнего проёма. Там сохранилась цепь, которой когда-то поднимали якорный камень. Цепь уходила вверх через деревянный ворот, забитый солью. Я толкнула его плечом. Не двинулся. Ина подала мне нож, я очистила паз между зубцами и высыпала на доски белую труху.

— Если крутанём, цепь опустится ему под ноги, — сказала я. — Он встанет, и мы вытащим.

— Если цепь выдержит, — отозвалась Ина.

— Выдержит. Я видела такую на наших подъёмниках.

— Ты говорила то же самое о старых перилах.

— Перила были чужой работы.

Мы переглянулись. В обычный день Ина продолжила бы спор, а я пригрозила бы показать ей чертёж. Сейчас она вложила нож мне в ладонь и взялась за ворот с другой стороны.

До шестой стражи оставалось чуть больше часа.

Сева стоял в трюме, упираясь спиной в мокрую кладку. Я слышала, как он считает капли: раз, два, три, пауза. Он делал это, когда пытался не показать, что боится. Я вспомнила, как

в детстве мы застряли на чердаке нашего дома; тогда отец поднял лестницу снаружи и сказал, что нечего лезть за голубями без разрешения. Сева был совсем маленьким и долго держал меня за пояс. Сейчас я не могла к нему дотянуться даже кончиками пальцев.

— Готов? — спросила я.

— Готов.

— Когда цепь коснётся воды, держись за неё. Не пытайся встать сразу. Сначала проверь, не скользит ли.

— Ты всегда так говоришь, — ответил Сева.

Ворот повернулся на ползубца. Из стены высыпалась старая соль. Ина упёрлась ногами в доски, а я тянула, чувствуя, как на ладонях промокают рукавицы. Цепь задвигалась. В темноте она казалась живой, но я знала каждый её звук: тяжёлые звенья били о дерево с разницей в полудолю. Ещё немного, и нижний конец коснулся воды.

— Держу, — крикнул Сева.

В этот момент над городом ударил колокол шестой стражи.

Он отбил шесть гулких звуков, и цепь выскользнула из моих пальцев. Я была уверена, что держала крепко, но рука вдруг стала чужой, будто кто-то разжал её изнутри. Ворот пошёл назад. Ина стояла у бочки, где прежде держали краску, и закричала. Лев поймал цепь плечом; железо ударило его по ключице. Нижний конец плеснул в воду, Сева сорвался с уступа.

Я видела только его голову. Он успел набрать воздух и исчез под чёрной поверхностью.

«Никто не приходит ему на помощь».

Фраза объявителя вернулась с такой ясностью, что я поверила: её говорят сейчас, прямо над нами, из-под крыши старого склада. Я бросилась к краю, а Лев перехватил меня за пояс.

— Не прыгай!

— Отпусти!

Он держал крепко. Я ударила его локтем, он отступил, но не разжал рук.

— Ты пойдёшь следом! — крикнул он. — И не поможешь! Там будет двое!

Ина бросила мне нож. Он упал рядом с моим сапогом, скользнул к воде и застрял рукоятью в трещине. Я наклонилась, вытащила его и начала рубить канат, удерживавший боковой настил. Два года назад Йор велел укрепить его так, чтобы волна не могла сдвинуть половицу. Я сама завязала узел и гордилась работой. Теперь нужно было убрать эту опору.

— Рута, он рухнет! — крикнула Ина.

— Вот именно!

Когда последний виток лопнул, настил пошёл боком, уткнулся углом в противоположную стену и превратился в узкую горку. Я бросила нож, скатилась по дереву животом вниз и нашла брата за воротник под поверхностью. Он был

тяжёлый, как мокрое одеяло. Доска скрипела, вода толкала меня в спину. Я не могла вытащить его на руках. Тогда Лев спустился на одно колено, схватил Севу за плечи и потянул вверх. Я упёрлась ногой в стену. Ина держала свободный край настила, чтобы он не уходил из-под нас.

Мы вытащили Севу на сухое дерево. Он закашлялся, перевернулся на бок, выплюнул воду. Я хотела ударить его за глупость, но рука только дрожала над его спиной.

— Ненавижу эту дверь, — прошептал он.

— Какую дверь?

— Там, внизу. Она открылась. А лестницы нет.

Он попытался показать рукой, но тут его снова скрутило от кашля.

Лев посмотрел на часы у себя на запястье. В Кавеле ход времени мерили по стражам, но актёрам выдавали маленькие пружинные часы для точного выхода. Стрелка уже миновала шестую отметку.

— Получилось, — сказала я, не узнав собственного голоса.

— Возможно, — ответил Лев.

Ина засмеялась. Не весело, а громко и хрипло, когда человек уже не может сдерживать страх. Она села на бочку, прислонилась к стене и подняла руки, чтобы показать, что жива. На манжете у неё темнела свежая полоса серебра: утром она помогала мне подвешивать рампу и вытерла о рукав испачканные пальцы.

Тогда свет переменился.

Ничего не вспыхнуло. Не было ни грома, ни ледяного ветра. Просто доска под Иной вдруг оказалась длиннее, чем минуту назад, а сама она — дальше. Я потянулась к ней и промахнулась. Расстояние стало ещё больше, словно между бочкой и нами вставили новую часть склада.

— Ина, иди сюда.

Она поднялась. Попробовала шагнуть. Нога не нашла пола.

Лев отшатнулся так резко, что ударился затылком о стену.

— Не касайся её! — крикнул он.

— Ты что делаешь?

— Я ничего не делаю. Это не я.

Ина смотрела на нас. Я видела её губы, но голос приходил с другого конца длинного коридора. Она сказала моё имя, потом ещё что-то, уже совсем неслышное. За её спиной появилась дверь, которой я не замечала раньше. Старая деревянная створка с ручкой из витого железа. Ина упёрлась в неё ладонью и вдруг оказалась по ту сторону. Дверь закрылась.

На месте бочки осталась лужица синей краски.

Я бросилась вперёд и ударила ладонями в стену. Под пальцами был обычный мокрый кирпич. Ни двери, ни щели. Я колотила, пока не сбила кожу.

— Ина! — кричала я.

Сева плакал где-то за моей спиной. Лев подошёл, попы-

тался взять меня за плечи. Я развернулась к нему, готовая снова ударить, и увидела, что он тоже смотрит на стену. У него было лицо человека, который только что потерял кого-то во второй раз.

— Она не умерла, — сказал он.

— Тогда открой.

— Я не умею отсюда.

— Зато знаешь, как туда попадают.

Он не стал лгать.

— Да.

Я подняла нож Ины. На лезвии, рядом с деревянной рукоятью, оставался отпечаток её большого пальца, синий от краски. Я завернула нож в свою косынку и велела Севе встать. Он держался за мой рукав и шёл медленно, как человек, который впервые пробует ноги.

Назад мы выбрались через пролом в стене. Над бухтой уже зажигали фонари, а со стороны театра доносилась музыка второго отделения. Кавель занимался обычными делами. Люди покупали горячие пироги, ругались у ворот, вытряхивали сети. На западном волноломе исчез проход, возле которого осталась Ина. За городскими воротами о ней пока никто не спрашивал.

Я шла домой с мокрым братом и считала шаги. Не из суеверия. Мне нужно было не забыть дорогу, по которой придётся возвращаться.

Глава 4. Цена, которой нет в афише

Мать не обрадовалась, увидев Севу.

Она ударила его мокрым полотенцем по плечу и только потом прижала к себе. Сева стоял посреди кухни, вода стекала из его одежды на пол, а мать держала его так, будто боялась, что он станет меньше, если отпустит. В конце концов он вывернулся и попросил горячего молока.

— Тебе бы ремня, — сказала она.

— Сначала молока, — ответил Сева.

Я поставила на плиту котелок. Лев остался у двери, по его рукаву тоже текла вода. Он принёс Севу последние две улицы, потому что брат начал шататься и у него дрожали колени. Мать взглянула на Льва, задержала взгляд на опухшей щеке и спросила:

— Это Рута сделала?

— Я, — сказала я.

— Хорошо, — ответила мать.

Лев не обиделся. Он поставил сапоги на край коврика, хотя его нога была босая — из второго сапога торчал надломленный шов. Я подала ему сухую тряпку, он осторожно взял её двумя руками.

— А где Ина? — спросила мать.

Мы молчали. За стеной кто-то чинил лестничную ступень, и до нас доходили четыре ритмичных удара молотка. Я слушала их, пока не поняла, что мать ждёт ответа.

— Её забрал спектакль, — сказала я.

Мать посмотрела на меня так, будто я пожаловалась на плохую погоду.

— Как это?

Я рассказала всё с начала. Про красную шапку, про представление, про мокрый склад и стену, которая стала дальше. Рассказала, что Ина исчезла на наших глазах. Сева сидел у стола, обернувшись полотенцем, и кивал всякий раз, когда я спрашивала, правильно ли помню. Лев стоял у двери и не вмешивался.

Когда я закончила, мать поставила на стол миску с молоком. Она принесла её для Севы, но тот уже заснул, уронив голову на руки.

— Рута, — сказала мать тихо, — ты понимаешь, что произойдёт, если об этом рассказывать?

— Значит, ты веришь.

— Я работаю в театре двадцать три года. Я видела людей, которых выводили через заднюю дверь. У них забирали пропуск. На следующий день их вещи стояли на лестнице, и никто не знал, куда они ушли. Мне говорили, что уволили. Иногда я спрашивала. Потом перестала.

— Ты знала, что они исчезают?

Мать потёрла лицо, будто смывала с него грим.

— Я знала, что их больше не видно. Ты хочешь, чтобы я сказала это Севе? Он только что едва не утонул.

Мне хотелось кричать. Но рядом спал брат. Он дышал громко, с мокрым свистом, и этот звук не позволял думать о чём-либо ещё.

Лев осторожно поднял руку.

— Нужно показать его врачу. Он был под водой достаточно долго.

Мать пошла за плащом. Я тоже хотела идти, но Лев остановил меня у двери кухни.

— Что ты видел? — спросила я.

— Вчера мне показали Севину смерть. Сегодня я видел, что сцену не выполнили.

— Зачем ты хотел помочь?

Он выдохнул, будто простое объяснение требовало большой смелости.

— Потому что я знал цену.

— Ина была этой ценой?

— Исчезает кто-то из тех, чья работа осталась внутри неисполненной сцены. Чаще тот, кто касался серебра и стоял ближе к месту срыва. Я видел подобное три раза. Точнее не скажу.

— Ты говорил, что она может не умереть.

— Не умрёт, если до конца представления её найдут. А если не найдут — останется по ту сторону. Там есть люди, которые живут годами.

Я схватила его за воротник. Он не защищался.

— Ты знал это и позволил Ине помочь?

— Она сама пришла. Я сказал ей, что будет опасно.

— Сказал что? Что она может исчезнуть вместо моего брата?

Лев не ответил. Это был ответ.

Я отпустила воротник. На нём осталась синяя полоска от моих пальцев. Он не попытался её стереть.

— Сколько людей там? — спросила я.

— Не знаю.

— Кто знает?

— Дамира. Возможно, Йор. В театре есть двери, которых не должно быть на плане. В них не ходят без специального света.

Я посмотрела на часы. Четверть до десятой. Второе отделение закончится через час. Если Лев не лгал и Ину можно вытащить только до конца представления, у нас осталось меньше часа.

— Идём, — сказала я.

— Ты сейчас соскребёшь с меня кожу, если я скажу тебе, что нельзя просто выбить дверь.

— Ты уже это сказал.

Мы вышли на улицу. Мать ещё не вернулась за Севой; в переулке стояла её знакомая повитуха, теперь работавшая лекарем в городской лечебнице. Я передала ей, что брат наглотался воды и нужно следить за дыханием. Она кивнула,

не спрашивая лишнего.

Когда мы дошли до театра, дождь начался без предупреждения. Капли падали с навесов редкими тяжёлыми ударами. Над огромным фасадом горела надпись «ЗАВТРА БУДЕТ ТИХО». Вокруг неё шумела толпа, довольная вечерней программой. Никто не знал, что за кулисами исчезла девушка, которая красила море.

Я прошла через рабочий вход. Сторож не поднял головы: за три года он привык, что я возвращаюсь после смены с рукавами в соли и всякий раз забываю сказать, где была.

В красильне Ины её кисти стояли в банках по росту. На полу сохла длинная волна для следующего спектакля. В углу, под окном, лежали две пары сапог, одна сухая, другая мокрая после утреннего дождя. Я потрогала рукав её куртки. Он был холодный.

— Её нигде нет, — сказал Лев за моей спиной. — Отсюда ты не найдёшь вход.

Я открыла шкафик, где Ина держала рисунки, и достала свой запасной ключ. В этом театре было пять лестниц, о которых руководство предпочитало не знать. Одну я построила сама из обрезков после прошлогоднего ремонта. Она вела под зеркало, где стеклянщики писали завтрашние роли.

— Значит, начнём там, — сказала я.

Лев положил руку на дверную ручку и задержался.

— Если увидишь Ину за зеркалом, не называй её со сцены.

— Почему?

— Потому что её могут опять сыграть.

Я взяла фонарь. Стекло внутри было грязное от краски, но светило достаточно ярко. На лестнице ещё не погасили рабочее освещение. Я успевала.

Глава 5. Дверь, нарисованная углём

Йор поймал нас на лестнице за зеркальной мастерской.

Он стоял на третьей ступени, сжимая в руках чашку с кислым чаем, и выглядел так, словно никуда не собирался идти. Но я знала: в это время он обычно спал в своей каморке над машинным отделением. Если Йор оказался здесь, значит, кто-то его предупредил.

— Ночью лестницы закрыты, — сказал он.

— Эта не закрыта. Я сама ставила замок.

— Тем хуже, что ты об этом забыла.

Я подняла фонарь, чтобы он видел моё лицо. Йор моргнул от света, но не отвернулся. За годы работы у него выросли густые брови, в которые постоянно забивалась древесная пыль. Когда он смотрел из-под них на человека, казалось, что сейчас отругает за неправильный узел. Я знала, что он умеет ругаться и не повышая голоса.

— Ина пропала, — сказала я.

Чашка у Йора дрогнула. Немного чая пролилось на ступень.

— Вижу, ты уже нашла себе свидетеля.

Лев остался в тени за моим плечом.

— Я видел, как это случилось, — произнёс он.

— И ты пришёл сюда? — спросил Йор. — Значит, в третий раз надеешься, что тебя кто-нибудь выручит.

Лев побледнел. Я повернула голову, но не успела ничего спросить: Йор уже протянул руку к фонарю.

— Дай.

Я отступила. Старик вздохнул, поставил чашку на перила и отогнул крышку своего рабочего ящика. Оттуда он вынул маленькую жестяную коробку. В ней лежали пять белых фитилей, аккуратно завернутых в ткань.

— Обычный свет там не годится. От него только своя тень на стене.

— Откуда у тебя такие?

— Рута, за сорок лет в театре человек накапливает несколько вещей, о которых ему не хочется рассказывать.

Он заменил фитиль в моём фонаре, налил из маленькой бутылочки прозрачное масло. Пахло оно резким холодным дымом, будто сырое дерево держали над огнём и вовремя убрали. Когда Йор поджёг фитиль, свет стал не ярче, а гуще. Тени на ступенях перестали лежать там, куда падали прежде: одна из них тянулась к нам снизу, хотя фонарь стоял у меня в руке.

— Назад вы сможете по тому же пути, — сказал Йор. — Если пойдёте прямо. В сторону не глядите. И не спрашивайте, кто ходит за стеной.

Я хотела сказать, что у нас мало времени и что такие запреты звучат как детская страшилка. Но он уже отступил и открыл узкую дверцу, которую я раньше принимала за часть стеллажа.

За ней начиналась лестница, не похожая ни на одну театральную. Ступени были деревянные, потёртые посередине, а внизу пахло варёной капустой и сырой солью. Я подняла фонарь. На стене углём нарисовали оконную раму. Через несколько ступеней появилась ещё одна, потом дверь с ручкой, которой кто-то пририсовал длинную тень.

— Кто здесь живёт? — шепнула я.

— Ты слышала Йора, — сказал Лев.

— Я слышала, как он сказал не спрашивать. Я спрашиваю тебя.

— Рабочие, которых выводили из театра. И не только рабочие.

Внизу коридор уходил влево. Там горела настоящая свеча, а за ней стояла крошечная табуретка с чашкой. Из-за стены донёсся детский голос: кто-то считал ступеньки. Я остановилась, и Лев взял меня за локоть. Его пальцы были холодные. Я выдернула руку.

— Ина! — позвала я.

Звук моего голоса отразился от нарисованного окна и вернулся таким же, каким вышел. Ни одного эха. За дверью с угольной ручкой кто-то быстро задвинул засов.

Лев остановился перед развилкой. Он провёл пальцем по стене, вытер белую пыль и показал мне знак: две короткие черты, одна над другой.

— Это старый знак рабочих. Значит, отсюда ход в нижнюю галерею.

— А другая дорога?

— В город, который оставили за кулисами.

— Что это значит?

— То, что мы можем там не вернуться.

Я хотела заметить, что никто не заставлял его идти со мной. Но в голосе Льва не было вызова. Он смотрел на вторую дорогу так, как смотрят на море перед штормом, когда знаешь направление ветра и всё равно не можешь изменить погоду.

Мы пошли в нижнюю галерею. Проход оказался узким, пришлось идти боком. С одной стороны тянулся старый кирпич, с другой — ряд ящиков с декорациями. На каждом стояла дата постановки и короткое название: «Тихая гавань», «Рыбацкая свадьба», «Пожар за пороховым складом». Под ногами попадались обрезки фольги, застывший воск, сломанные деревянные птицы. Я шла по знакомому мусору и вдруг увидела на ящике свежую синюю полосу. Инина краска. Я узнала её по тому, как она смешивала её с белым порошком, чтобы волны казались влажными.

— Она была здесь, — сказала я.

Лев нагнулся. На краю ящика остался отпечаток ладони. Пальцы у Ины были короткие, большой всегда отставал немного в сторону после перелома. Я приложила свою руку рядом. След оказался слишком большим, как у мужчины.

— Это не её, — сказала я.

— Её могли вести.

На секунду мне стало трудно дышать. Я подумала о ней у незнакомой двери, о том, как она звала меня и постепенно отдалялась, хотя никто не двигался. У меня в голове вспыхнула картина: кто-то хватает Ину за плечи, заставляет идти дальше. Я схватилась за ящик, чтобы не упасть.

В соседнем проходе кто-то кашлянул.

— Стоять на месте, — сказала женщина.

Она появилась из темноты, держа длинный железный прут. На вид ей было лет сорок, но волосы уже совершенно белые, и она носила их заплетёнными в тугую косу. На ногах — поношенные сценические сапоги, один красный, другой чёрный.

— Мы ищем девушку, — начала я.

— Здесь все кого-нибудь ищут. Ты зачем свет принесла?

Я подняла фонарь. Женщина прищурилась и выругалась сквозь зубы.

— Йор опять кому-то отдал белое масло. Он стареет, а мир от этого только хуже.

Лев шагнул вперёд.

— Это Рута. Она спасла мальчика у волнолома.

— А тебя я знаю, — сказала женщина. — Ты живым пришёл. Сколько же раз ещё придётся это видеть?

Лев ничего не ответил.

— Где Ина Краст? — спросила я.

Женщина посмотрела на меня и вдруг опустила прут.

— У нас в нижней мастерской сегодня появилась новень-

кая. Синий рукав, нож на поясе отсутствует. Она уже успела спорить о качестве краски. Если это твоя — мне её жаль.

Я сделала шаг к ней. За стеной что-то тяжело ударилось, и фонарь дёрнулся в моей руке. Женщина быстро закрыла ладонью пламя.

— Не дальше, — сказала она. — Смена картины.

Из глубины коридора донёсся приглушённый шум зала — будто публика хлопала в толстых рукавицах. Дерево под ногами завибрировало. Нарисованные окна расплылись, по стене побежала белая линия.

— Что происходит? — спросила я.

— Они заканчивают представление, — ответила женщина. — Вы опоздали на первый выход.

Я бросилась вперёд, но Лев схватил меня за плечо. Не сильно, только остановить. В конце коридора, где секунду назад горела свеча, возникла кирпичная кладка. Я видела, как она вырастает от пола до потолка, кирпич за кирпичом, без звука.

— Ина! — позвала я ещё раз.

За стеной кто-то ответил. Я не разобрала ни слова. Потом всё стихло.

Женщина прижала палец к губам и подождала, пока исчезнет дрожь пола.

— Теперь идите к своей лестнице, — сказала она. — А завтра возвращайтесь. Если хотите вытащить девушку, понадобится больше, чем один фонарь и чужая ярость.

Я не могла идти. Каждая ступень наверх казалась отступлением. Лев поднял с пола Инин старый носовой платок, испачканный синей краской, и протянул мне. Я взяла его только потому, что хотела унести хоть что-нибудь.

Глава 6. Место под креслами

На следующий день меня не пустили на работу.

У главного входа висел новый приказ: до окончания проверки механизмы подъёмного яруса работают только под надзором старшего мастера. Моё имя стояло в списке лиц, временно отстранённых от подъёмных работ. Подпись была Дамирина, чёткая, с длинной последней буквой.

Я прочла приказ дважды. На второй раз заметила, что там не было ни слова о сломанном настиле или пропавшей Ине. Формальная причина — нарушение правил безопасности на генеральной репетиции. Наверняка кто-то записал мой спуск по канату, когда я потребовала остановить представление.

— Я не откажусь от ключей, — сказала я сторожу.

Он почесал щёку, раздумывая, стоит ли спорить.

— И не надо. Ты сегодня внизу работаешь, у Йора. Вход через старую кассу.

— А наверху?

— На тебя жалуются, что шумная.

Я прошла мимо него, стараясь не замечать, как он старательно смотрит в другую сторону. За два года я привыкла ходить по театру быстрее большинства людей, потому что всегда находилось место, где кто-нибудь ждал механика. Теперь никто не ждал. Даже верёвки висели ровно, как будто хотели показать, что справляются без меня.

Йор сидел в своей каморке у печи. Перед ним лежал мой рабочий журнал, раскрытый на записи о том, как месяц назад мы меняли колосниковый шкив. Он не поднял головы, когда я вошла.

— Сева здоров? — спросил он.

— Лекарь сказал, ещё два дня не выходить.

— Тогда смотри, чтобы выходил только на крыльцо. Пока его имя в афише, за ним могут прийти.

Я остановилась.

— Оно ещё там?

— На стене висит вчерашняя программа. Назначенное событие не состоялось, зато город не знает, почему.

— Ина исчезла вместо него. Это ведь должно было всё закончить?

Йор перелистнул журнал. Там была схема нижних канатов, нарисованная моей рукой. Он провёл ногтем по одной из линий, будто искал ошибку.

— Обмена нет, — сказал Йор. — Ты спасла Севу. Хорошо. Но посмотри, что стало с Иной.

Он развернул журнал и придвинул ко мне лист с нижними канатами. Под моей схемой проступала старая отметка: место под креслами, четыре ряда, один проход. Там, где вчера помещался человек, теперь помещалась пустая строка.

— Постановка пытается исполниться даже после того, как мы ей помешали. Не выходит событие — исчезает кто-нибудь рядом с ним. И мы замечаем не всех. Поэтому я не могу

обещать, что одного спасения хватит.

— Откуда ты знаешь?

Он поднял глаза. Они были очень светлыми, почти бесцветными.

— Я однажды помог красить эту раму.

На столе лежала тонкая полоска серебра. Не краска, а настоящий металл, блестящий на срезе. Йор накрыл её ладонью.

— Дамира не разрешит тебе работать наверху. Но у нас осталась нижняя лестница. Проверь ступени. Потом посмотрим, есть ли в галерее дыра, куда можно провести человека.

Мне хотелось расспрашивать его о прошлом, но он уже принёс ящик с инструментами, поставил рядом с дверью и выдал мне молоток с погнутой рукоятью. В этом было его собственное утешение: когда происходит ужасное, сначала найди то, что можно починить.

Я спустилась в нижнюю галерею днём. Без белого масла её стены выглядели обычными, и нарисованные углём окна казались рисунками мальчишек. Дверь, через которую мы вчера прошли, была закрыта. Я обошла её со стороны складов и поняла, что она ведёт в маленькое помещение под креслами четвёртого ряда. Оттуда до сцены было рукой подать, но ни один зритель не смог бы увидеть проход: его скрывала толстая красная драпировка.

Я подняла половицы, осмотрела балки и обнаружила, что одна из них давно не несёт нагрузку. Её вывели из крепле-

ния, не сняв с места. Получался пустой карман, в который при необходимости мог протиснуться взрослый человек. На внутренней стороне дерева кто-то нацарапал имя. Не Инино. Буквы были старые, почти стёртые: «Салим».

Я знала это имя. Салим раньше заведовал механиками, ещё до Йора. Пять лет назад его уволили после неприятности на сцене. Мать говорила, что он был человеком неприятным и все вздохнули с облегчением. Только Йор однажды заметил, что после его ухода у нас в театре стало слишком чисто.

За моей спиной послышались шаги. Я успела закрыть доски, прежде чем кто-то вошёл.

Лев прислонился к дверному косяку. На нём была простая тёмная рубашка, без украшений. На лице оставалась бледная тень от моего удара, но опухоль спала.

— Ты опять ходишь там, куда не следует, — сказал он.

— Ты опять знаешь, куда я ходила.

— Йор меня предупредил.

— Значит, вас двое.

Он не улыбнулся. Достал из кармана два билетика, сложенных пополам.

— Вечером будет открытый показ. Они покажут, что западный волнолом безопасен. Если ты хочешь понять, почему Севу отправили туда, нужно увидеть, кто сидит в зале.

— Зрители?

— Не все. В первом ряду будут те, кто заранее знает сценарий. Они хлопают раньше остальных.

Я взяла билетики. На них стояли места шестнадцать и семнадцать, четвёртый ряд. Я смотрела на бумагу, потом на узкое помещение под полом.

— Ты выбрал эти места специально.

— Да. Там мы сможем услышать реплики, которые объявитель не говорит вслух.

Вечером я впервые села в зрительном зале как обычный человек. Мать стояла у двери в форме, увидела меня и сделала вид, что мы незнакомы. Я знала, что она не хотела привлекать внимание, но от этого стало больно. На сцене шелестел занавес, за ним передвигали тяжёлый стол.

Рядом со мной Лев сидел совершенно неподвижно. Он не аплодировал, когда первые актёры вышли на поклон. На его пальцах были свежие повязки, а у большого пальца левой руки темнел серебряный след.

— Почему ты не хлопаешь? — прошептала я.

— Я свою плату уже вносил, — ответил он.

В первом ряду поднялись руки. На сцене человек в костюме рыбака сказал, что завтра вода отступит от западного мола и все причалы будут открыты для торговых судов. Зал зааплодировал. Я заметила, что в боковой нише сидит Дамира. Рядом с ней — трое незнакомых мужчин в дорогих плащах. Один держал на коленях длинную чёрную трубку, похожую на футляр для измерительного прибора.

Когда хлопки стихли, Лев наклонился ко мне так близко, что я ощутила запах горького мыла от его волос.

— Они уже решили, кому будет принадлежать западный мол, — прошептал он. — И кто больше не должен туда приходить.

Я хотела спросить, при чём тут Сева. Но из-под кресел раздался слабый стук: один раз, затем три.

Так стучал мой брат.

Я опустила руку к щели между досками. Под пальцами оказалось холодное железо, и кто-то очень осторожно коснулся меня с другой стороны.

Глава 7. Четвёртый ряд

Я опустилась на колени между креслами. Соседи недовольно обернулись. На сцене танцевали рыбаки в сапогах с высокими голенищами, и публика рассчитывала посмотреть, как они будут изображать утреннюю работу в порту.

— Ложись, — шепнул Лев.

Я легла на живот, сунула руку в щель под креслом и коснулась холодного железного прута. На нём было выцарапано четыре короткие линии, соединённые косой чертой. Я провела по ним ногтем. Снизу ответили той же последовательностью стуков.

— Кто там? — спросила я беззвучно, одними губами.

Лев сел боком, заслонив меня от прохода. Его плечо оказалось совсем рядом с моей головой. Я чувствовала, как он напрягся, когда в четвёртый ряд вошёл капельдинер. Женщина несла поднос с маленькими бумажными фонариками для зрителей, чьи билеты отмечены серебром. Эти люди должны были поднять огни в конце следующей картины.

Я вынула из-за голенища нож Ины. Под полом кто-то быстро забарабанил. Нож задевал доски, я осторожно вставила его в щель и попробовала поднять пластину. Железо оказалось закреплено двумя гвоздями изнутри. Я могла снять один, но второй держал слишком крепко.

— Не сейчас, — шепнул Лев. — Снизу могут ждать, что-

бы ты открыла.

Я посмотрела на него с таким видом, что он отодвинулся.

— Там не Сева, — добавил он. — Твой брат дома, верно?

— Значит, кто-то знает его стук.

— Не обязательно. Здесь стены повторяют то, что слышали. Под креслами иногда слышно шаги людей, которые давно ушли.

Я вскинула голову. На сцене человек в рыбацкой куртке опустился на колени. Он держал пустую сеть и просил город разрешить выход судов. В первом ряду один из незнакомых мужчин приподнял бинокль. Дамира наклонилась к нему и показала на что-то в программе. Они уже не смотрели на сцену.

В ответ на просьбу рыбака объявитель назвал три судна, которые завтра войдут в гавань с полными трюмами. Потом назвал ещё одно, старое грузовое судно «Семь углей», и произнёс, что оно не достигнет порта. Зрители замерли. Я услышала, как кто-то рядом с Левом резко втянул воздух.

«Семь углей» принадлежало артелям с северной стороны города. На нём возили лекарства, бумагу для школ, уголь для общественной бани. Судно должно было вернуться на следующей неделе. Никакого основанного на наблюдениях предупреждения о его гибели быть не могло: до Кавеля ему оставалось пять дней пути.

— Почему именно оно? — спросила я.

Лев не ответил. Его взгляд был прикован к первому ряду.

Дамира поднялась. Объявитель, увидев её, сделал короткую паузу. Из боковой кулисы вышла актриса в тёмном плаще, положила на сцену серебряный круг с названием судна и сказала, что капитан изменит курс. Публика зааплодировала облегчённо: все решили, что теперь «Семь углей» обойдёт бурю и вернётся целым.

Лев крепко сжал моё запястье. Я заметила, что он сам перестал дышать, пока не стихли хлопки.

— Они забрали корабль, — сказал он. — И никому не пришлось объяснять, зачем.

Я хотела возразить: объявитель же сказал, что капитан изменит курс ради безопасности. Но тогда вспомнила карту. Западный волнолом принадлежал городу, а новые торговцы хотели получить доступ туда без очередей и старых причальных сборов. Если «Семь углей» не войдёт в порт, северные артели потеряют часть груза, другие купцы получат преимущество. А если капитан действительно повернёт в море — кто узнает, почему он это сделал?

Я поднялась на колени. Внизу опять постучали. Теперь дважды, долго. Я вынула билетик и положила на щель. Бумага дрогнула, будто снизу подули.

— Может, там Ина, — сказала я.

Лев посмотрел на место, где лежал билет, и впервые за вечер растерялся.

— Ина не знает Севиного знака.

— Знает. Мы стучали так, когда ей надо было пройти в

мастерскую, а у нас был запрет на вход. Ты думаешь, почему она оставила на коробке две короткие черты?

Он ничего не ответил. В этот момент снизу донёсся шёпот, похожий на шорох шёлка по доскам.

— Нож… в двери…

Я узнала её голос. Он был хриплым и совсем слабым, но принадлежал Ине. Я прижала ухо к щели.

— Где ты?

— Ниже… Не открывай… при свете…

Дальше слова утонули в музыке. Оркестр ударил в медные тарелки, и пол под нами задрожал. Соседний зритель сердито наклонился ко мне.

— Девушка, вы мешаете смотреть.

Я развернулась к нему. Ему было лет шестьдесят, лицо розовое, щёки полные. Он держал под мышкой аккуратно сложенную программу.

— Там человек, — сказала я и показала под кресло.

— Где?

— Под нами.

Он заглянул вниз, сморщил нос.

— Там же грязь. Позовите уборщицу.

Когда я снова прижалась к полу, голос Ины уже исчез. В щели осталась лишь холодная полоса железа. Я подняла билет. На обороте кто-то вывел синей краской тонкую черту, похожую на дверную ручку.

— Она жива, — сказала я Льву.

— Я знаю.

— Ты знаешь, но всё равно сидишь здесь.

Он медленно встал.

— Если мы сейчас бросимся вниз, Дамира увидит пустые места. Ты хочешь, чтобы она снова написала имя Ины?

Я знала, что он прав. От этого было хуже. Мы досмотрели представление до конца. Я запомнила лица трёх людей рядом с Дамирой: мужчину с биноклем, женщину с узкими бровями и маленького пожилого человека с тростью. Когда все поднялись аплодировать, Лев держал руки на коленях. Я тоже не хлопала.

У выхода мать заметила наши билеты. Её лицо стало таким же, как в ту минуту, когда Сева вернулся мокрый.

— Вас видели, — сказала она тихо. — Ты не понимаешь, кому мешаешь.

— А ты понимаешь?

Она сложила программы, положила на стойку и посмотрела мне прямо в глаза.

— Рута, я видела твоего отца в этом зале, когда ты была маленькой. Он хлопал вместе со всеми. Потом вышел и больше сюда не вернулся.

Я не знала, что отец вообще бывал на вечерних показах. Мы привыкли говорить, что он уехал к северным кузням искать работу, когда мне было четырнадцать, и больше не смог вернуться. Мать всегда произносила это одинаково. Теперь впервые за долгое время она опустила глаза, произнеся его

имя.

— Ты сказала, он живёт в Норе, — ответила я.

— Так мне сказали. Я не проверяла. У меня были вы двое.

Лев взял меня за локоть, но я выдернула руку. Мне хотелось только одного: чтобы мать перестала говорить фразами, в которых каждая следующая отменяет предыдущую.

— После смены приходи домой, — сказала я. — И расскажешь всё, что знаешь.

Она кивнула. Я вышла на улицу, унесла с собой билет с синей линией и ещё одно чувство, которое прежде не знала за матерью: страх услышать правду от человека, которого любишь.

Глава 8. Человек без места

Утром у театра стояла очередь за билетами на следующий показ. Люди спорили из-за мест, приносили справки от лекарей и рассказывали кассирше, почему им необходимо узнать собственное завтра раньше остальных. Я прошла мимо них с ящиком инструментов на плече. За мной шёл Лев, стараясь не попадаться на глаза коллегам.

— Тебя никто не узнаёт? — спросила я.

— Узнают без костюма редко. Вчера меня приняли за аптекарского помощника.

— Значит, когда ты играешь чужих людей, это не только на сцене.

— На сцене хотя бы знают, что я должен говорить.

Он вытащил из кармана вчерашний билет, проверил номер и сунул обратно. Я спросила, зачем он его бережёт. Он ответил, что иногда по старым билетам можно вспомнить, кто сидел рядом. Меня это не устроило, но я не стала спорить.

Мы спустились к четвёртому ряду до начала репетиции. На сцене было темно, зал пах сырой тканью и вчерашним табаком. Я сняла три половицы и положила их у стены. Под ними обнаружилось пустое пространство, через которое можно было попасть в узкий ход. На железном поручне остались свежие следы синей краски.

— Ина была здесь, — сказала я.

Лев опустился рядом. Порывшись в кармане, он вынул маленький свёрток с белым маслом. Я посмотрела на него.

— Йор тебе доверил?

— Он сказал, что если кто-то и догадается пролезть под кресла без разрешения, так это ты. А раз я иду следом, масло хотя бы не пропадёт.

Мы зажгли фонарь. Лестница под креслами оказалась низкой. Я ползла на локтях, чувствуя, как прилипает к рукавам пыль. Лев шёл за мной на четвереньках и время от времени застревал плечами. Я знала, что он выше меня, но не представляла, насколько нелепо он выглядит, пытаясь пролезть в пространство, рассчитанное на театральных мышей.

— Ты уверен, что здесь бывают люди? — спросила я.

— Пальцы убери от щели. Я сейчас сниму железо.

— Это не ответ.

— Если есть свежие следы краски, люди тут точно бывают.

Я остановилась. Лев протянул руку мимо меня и осторожно отогнул пластину. За ней была пустота — не чёрная, а серая, точно воздух там забыл, как выглядеть. Я подняла фонарь. Из темноты выступила лестница, уходившая вниз под углом, которого не могло быть в нашем здании. Судя по плану театра, она должна была вывести нас в каменную стену фундамента. Но там были ступени.

— Туда, — сказал Лев.

Я спустилась первой. Через пять ступеней воздух стал теплее. Откуда-то тянуло жареным луком, слышались голоса и плач ребёнка. Внизу открылся маленький дворик, окружённый стенами домов. Над ним не было неба. Вместо неба висела серая ткань, по которой медленно двигались бледные полосы света.

Я стояла, не понимая, куда попала. Под самым потолком дворика кто-то сушил бельё на верёвках. Два мальчика таскали из бочки воду, стараясь не расплескать. Женщина с белыми волосами сидела на крыльце и пришивала пуговицу к чужому пальто. Всё выглядело обычным, кроме одного: ни у одного дома не было настоящих окон. На их месте висели прямоугольные деревянные рамы, за которыми продолжалась та же серая ткань.

— Это Заулисье? — спросила я.

— Его нижняя часть, — ответил Лев. — Здесь живут те, кого больше не видят сверху.

Женщина с белыми волосами подняла голову. Я узнала её по вчерашнему пруту и разным сапогам.

— Опять пришли, — сказала она. — И снова не вовремя.

— Где Ина?

— В мастерской. Но она не сможет просто пойти с вами. У неё ещё нет выходной роли.

— Что значит «выходная роль»?

Женщина встала, отбросив пальто.

— Здесь можно жить. Есть и мы, и вода, и еда. Только

все дороги наружу проходят через сцену. Мы пробовали выводить людей через сцену: пока их не называли перед зрителями, в городе их будто не замечали. Но могли ошибаться в способе. Иногда человек доходил до улицы, а родная мать проходила мимо. Пройдёшь мимо собственной матери, а она решит, что сквозняк.

Я почувствовала, как у меня внутри стало пусто. Ина могла стоять в трёх шагах от дома, смотреть на людей и не иметь возможности заставить их обернуться.

— Мы назовём её, — сказала я.

— Если хватит зрителей, чтобы имя услышали.

Лев тихо выругался. Женщина посмотрела на него с неожиданной мягкостью.

— Ты всё ещё думаешь, что можно обойтись без публики, мальчик?

— Иногда, — ответил он.

Она повела нас через двор. В одном из проходов нам встретился старик в рабочем фартуке. На его правой руке не хватало двух пальцев. Он остановился, увидев Льва, и хотел что-то сказать, но передумал. Лев отвернулся. Я заметила это и запомнила.

Мастерская занимала подвал старого дома. На столе лежали рулоны ткани, банки с краской и длинный нож, которым разрезали холсты. Это был не нож Ины, но очень похожий. Мне пришлось схватиться за дверной косяк, чтобы не броситься внутрь.

Ина сидела за столом. На щеке у неё всё ещё была синяя полоса, а волосы она собрала в кривой узел. Увидев меня, она поднялась, опрокинув табурет.

— Рута!

Я шагнула к ней, обняла так крепко, что она вскрикнула. От неё пахло тем же скипидаром, что всегда. Я тронула её плечи, руки, лицо. Она была настоящая, тёплая, сердитая. Если бы я не боялась, что она исчезнет снова, стала бы трясти её, как мешок с песком.

— Ты живёшь здесь? — спросила я.

— Второй день. Уже предложили красить афиши. Я сказала, что сначала меня должны выпустить. Они ответили, что очередь длинная.

— Какая очередь?

Ина показала на стену. Там висел большой лист, исписанный именами. Он тянулся почти до пола. Внизу стояли свежие подписи. На одной я увидела знакомое слово: «Салим». Рядом была дата пятилетней давности.

— Они все ждут, когда их сыграют обратно? — спросила я.

— Некоторые уже перестали ждать. Здесь можно обустроиться, только никто не хочет всю жизнь видеть потолок вместо неба.

Лев подошёл к листу. Его лицо вдруг стало непроницаемым.

— Салим ещё здесь, — сказал он.

— Ты его знаешь? — спросила я.

Лев молчал. Ина посмотрела на него с подозрением.

— Рута, не доверяй всему, что он рассказывает. Салим сказал мне кое-что о вашем замечательном актёре.

Мне хотелось немедленно выяснить, что именно. Но в тот момент в дальнем конце мастерской задребезжал маленький колокольчик. Женщина с белыми волосами выпрямилась.

— Репетиция началась, — сказала она. — Вам пора наверх. Если хотите вернуться живыми, не опоздайте к смене декораций.

Я держала Ину за руку. Она не отпускала.

— Я приду снова, — пообещала я.

— Не обещай просто так, — сказала Ина. — Сначала придумай, что сделаешь, когда придёшь.

Я отпустила её, только когда Лев уже стоял у двери. Он смотрел на лист с именами так, будто там было написано нечто худшее, чем исчезновение.

Глава 9. Недорогие места

Наутро я пошла в театральную швейную, чтобы забрать у Лады свою рабочую куртку. Она обещала заштопать локоть ещё до того, как Ина пропала. Лада считала себя будущей артисткой, хотя пока ей доверяли только пришивать пуговицы на чужих рукавах. Взрослые снисходительно говорили: «Успеет ещё». Лада отвечала, что успеть ей лучше до двадцати, пока есть чем удивлять публику.

Швейная помещалась рядом с топочной. От гладильных камней здесь было жарче, чем летом на пристани. Лада сидела на подоконнике босиком, зажав ткань между коленями, и ела репу из бумажного кулёчка. Новые туфли стояли рядом, на лавке, носками к зрителю. Красные. Такой цвет она выбирала, когда собиралась поругаться с мастером и победить.

— Ты всё ещё жива? — спросила она.

— Откуда у тебя эти туфли?

— Так и знала. Неделю меня не видела и начинаешь с обуви. Их дали на примерку. После праздника заберу себе, если не испорчу каблуки. Ты вчера заходила в четвёртый ряд?

Я поставила ящик у двери.

— Заходила.

— И что?

— Там есть люди.

Лада перестала жевать. Дверь в мастерскую оставалась от-

крытой: у крючка с пальто две младшие швеи мерили на ладони серебряную тесьму. Лада спрыгнула с окна, выпроводила девочек за мелом, захлопнула дверь и вернулась ко мне. На босых ступнях у неё остались красные полоски от половицы, нагретой трубой.

— Люди бывают где угодно. Ты мне скажи без загадок.

Я сказала. Не всё: Ина просила не приводить к ней посторонних и не обещать за неё ничего. Но рассказала про комнаты, которые двигались после представлений, и про женщину с корзиной. О том, что среди невидимых есть дети, я сказала уже в конце. Лада слушала, выдёргивая из старого рукава нитку. На восьмой нитке остановилась.

— А их родные знают?

— Почти никто. Некоторым сказали, что они утонули или сбежали.

— У нас так с Харином было, — сказала Лада. — Помнишь высокого осветителя, он шутил, что в театре темнее всего его собственная голова? Осенью его не стало. Нам сказали: уехал к брату, на север. А брат приехал за получкой. Его выгнали.

Я помнила Харина. Он однажды нашёл мне недостающую шестерёнку, которую весь цех уже признал потерянной. Взял с меня за помощь половину пирога и обещание никому не рассказывать, как её искал.

— Ты думаешь, он там?

— Я думаю, что руководство врёт, — ответила Лада. —

Это не всегда одно и то же.

Она показала мне куртку. На локте появилась аккуратная заплата из тёмной парусины. По внутреннему шву Лада пустила две синие строчки — чтобы я могла отличить свою от казённой, если сторожа снова будут отбирать вещи.

— Не благодаришь? — спросила она.

— Спасибо.

— Хуже некуда. Попробуй с чувством.

Я поцеловала её в лоб, пахнущий утюжным углём. Она фыркнула и с силой вдавила в мой карман остаток репы.

— И не тащи сюда всех, кого собираешься спасать. У меня завтра прослушивание.

Я знала о прослушивании с начала весны. Лада хотела в утренние постановки, где играли купчих, счастливых невест и дочерей, находивших потерянных родителей. Придумала себе сценическое имя, заказала две дешёвые серьги. Я впервые спросила, в какую картину её ставят.

— В северную гавань. Девушка ждёт жениха с моря. Он возвращается. Корабль цел, конечно. Дамира говорит, зритель любит возвращение.

— А жених настоящий?

— Ты серьёзно?

— Настоящий парень есть? С вещью, которой можно за него сыграть?

Лада поморщилась, как будто я лезла в чужой бельевой ящик.

— Мне дадут имя в сценарии. Если ты опять начнёшь про магию, я не пройду прослушивание. Мне нужны деньги, Рут. У Титы в аптеке уже не дают в долг. С конца зимы.

Тита была её младшей сестрой. В прошлом году она обожгла руку кипятком, и кожа под пальцами не заживала. Врач назначил мазь, которую делали на северном берегу. Лада могла шутить о чём угодно, только не о Титиных бинтах.

— Сколько стоит мазь?

— Ты знаешь сколько. Я брала у тебя дважды. Третий раз просить не буду.

Я оставила репу на столе. Через щель в двери донёсся свист: швеи вернулись с мелом и решили, что мы ругаемся. Мы действительно уже почти ругались.

— Если в представлении назовут человека, лучше знать, что с ним случится, — сказала я.

— Лучше. А если меня не возьмут, ты расскажешь это сестре, когда она в третий раз проснётся от боли? Не надо делать вид, будто у нас с тобой одинаковое завтра.

На это у меня не было остроумного ответа. Я знала, что могла выйти из театра в любую минуту, вымыть руки и найти работу в порту — плохую, тяжёлую, но работу. Лада умела шить так, что женский корсет сидел на десятке разных тел, однако в Кавеле швей по найму было больше, чем покупателей. Без театра она получала бы за целый день меньше, чем за утреннее выступление.

— Позови меня на прослушивание, — попросила я.

— Будешь свистеть, если забуду слова?

— Посмотрю сценарий.

Лада затянула узел слишком сильно, обрезала нитку зубами.

— Я сама посмотрю. Читать умею. Если что-то не понравится, скажу тебе. Но ты туда не полезешь, пока не поговоришь со мной.

— Договорились.

Она открыла дверь. Младшие швеи внесли мел и стали жаловаться, что в коридоре на них нагрубил главный костюмер. Лада немедленно забыла про театр будущего и отправилась выяснять, кто посмел заставить их плакать. Я осталась одна с курткой и красными туфлями.

На улице дожидался Сева. Он сидел на мешке с углём и чертил в пыли колесо, разделённое на двенадцать частей. Из каждой части уходила дорожка. Я остановилась рядом.

— Что это?

— Как дойти от школы до дома, если закрыть все улицы, где меня знают.

— Зачем тебе?

— Вчера учитель сказал, чтобы я не рассказывал о том, как упал в воду. Если буду, меня могут выгнать из класса, потому что родителям других детей страшно. Я придумал обход.

Он поднял голову. На щеке у него отпечаталась полоса угля, и потому он выглядел особенно серьёзно.

— Ты же меня не отправишь учиться в другой город?

Я присела на мешок. Уголь подо мной хрустнул. Мне хотелось ответить, что никто никогда его отсюда не увезёт. Но совсем недавно кто-то постановил, что он умрёт, и чуть не добился своего. Я уже устала от обещаний, за которые мне нечем платить.

— Нет, — сказала я. — Пока ты сам не захочешь. К учителю пойдём вместе.

— Ты опять будешь кричать?

— Постараюсь начать без крика.

Сева стер две дорожки рукавом.

— Тогда мне в школу в понедельник. В пятницу у нас пироги, их нельзя пропускать.

Мы пошли домой. Новый шов стягивал рукав на локте: Лада подтянула нитку сильнее, чем требовалось. Сева зацепился пальцем за нитку и испугался, что порвал её. Я проверила — выдержала. Он сунул руку в карман моей куртки, надеясь найти конфету, а я впервые за день не стала его одёргивать.

Глава 10. Старший по невидимым

Салим жил за прачечной, в комнате без окна. Над дверью висела табличка, которую кто-то когда-то сделал из сломанной театральной вывески: «МАСТЕР МЕХАНИЗМОВ». У таблички отвалилась буква «М», и теперь получалось «АСТЕР». Я посмотрела на неё, потом на мужчину, открывшего дверь.

Он был старше, чем я представляла, и крупнее. На руках — две тёмные полосы от старых ожогов. Левая половина лица выглядела спокойной, правая будто всё время удивлялась: бровь поднята, угол рта чуть оттянут шрамом. Я знала о нём только из рассказов Йора. Сейчас он оказался живым человеком, в потёртом фартуке, с молоточком в кармане.

— Рута Бель, — сказала я. — Работала на вашем подъёмнике.

— На моём? — Он посмотрел на Льва. — А он ещё там стоит?

— Стоит. Только тросы меняли два года назад.

— Значит, Йор всё-таки заставил их менять.

Он посторонился, впуская меня. На столе лежала разобранная лампа, вокруг неё — маленькие медные винтики. Салим собирал лампы для жителей Заулисья из того, что уносили из театра после представлений. У него было пять видов стекла, но ни одного настоящего зеркала.

Лев остался у порога. Я заметила это и спросила, почему он не входит.

— У нас с ним старые разногласия, — сказал Салим.

— Какие?

— Это потом. Сначала посмотри, что ты принесла.

Я достала из-за пояса Инин нож и вчерашний билет с синей чертой. Салим положил билет под лампу, провёл по нему пальцем. Краска засветилась, как тонкая жила.

— Ина умная девочка. Нарисовала нам ход, пока её ещё могли слышать. Это нижняя дверь. Её ставили после Большого шторма, чтобы выносить реквизит без зрителей.

— Она сказала, что нельзя открывать при свете.

— И правильно сказала. Если зажечь обычный фонарь, дверь уйдёт за стену. Если поднести белый, она останется, но люди сверху увидят пустоту и могут провалиться.

— Почему нельзя просто вывести Ину через сцену?

Салим снял крышку лампы. Он не торопился объяснять, словно всё, что знал, требовало от него сперва закончить работу.

— Мы один раз вернули человека, — сказал Салим. — Для этого сыграли его возвращение, назвали по имени и заставили зал признать, что он здесь.

Он положил лампу на бок, чтобы стекло перестало светить мне в глаза. Под ней лежал листок с двумя именами. Одно было перечёркнуто. Салим не спрятал его.

— Девочка вышла домой, а через день исчез её отец. Я не

знаю, всегда ли так будет. Знаю только, что обещание, произнесённое с серебра, исполняется даже через стену. Она треснет, человек упадёт, другого оттеснят из картины — и театр назовёт это совпадением.

Он разгладил листок ладонью.

— Если хочешь привести Ину обратно, сначала узнай, кого поставят на её место.

— Значит, надо назвать время и место, где ничто не помешает.

Он посмотрел на меня с интересом.

— Ты механик. Всякий раз, когда кто-то говорит «ничто не помешает», ты должна сразу искать, что именно помешает.

Я не стала спорить. За дверью слышались шаги. Лев так и стоял в проходе, глядя на свои руки.

— Ты когда-нибудь выводил людей? — спросила я Салима.

— Пытался. Один раз. Дал целый день на выход, открыл все двери. Зал хлопал так долго, что люстра дрожала. Наутро девочка действительно вернулась домой. Вечером из города пропал её отец. Он хотел удержать её на месте, когда она выбежала через двор, и оказался возле серебряной метки в момент, когда прежняя роль ещё требовала исполнения.

— Это было при Дамире?

— Да. Она тогда сказала, что эксперимент неудачен. И запретила повторять.

Я почувствовала, как мне становится холодно.

— Но если вы знаете всё это, почему молчите?

Салим поднял руку без двух пальцев. Я только сейчас заметила, что у него отсутствует средний палец на правой руке; другие были в шрамах.

— Сначала меня не слышали. Потом я стал невидим. Здесь у меня есть работа, люди, которых нельзя оставить без света. Ты ещё думаешь, что все, кто остался за кулисами, ждут героев с верёвкой. Иногда здесь просто надо чинить лампы. Но Ина не хочет оставаться, я вижу. И ты права, что пришла.

Он повернулся к Льву.

— Что ты ей сказал о моём исчезновении?

Лев вошёл в комнату. У него были серые тени под глазами.

— Что видел это три раза.

— Три. А четвёртый, значит, считать не будем?

— Салим, я пришёл помочь.

— В тот раз ты тоже пришёл помочь.

Я перевела взгляд с одного на другого. Салим отложил лампу, вытер руки о фартук и велел мне сесть.

Пять лет назад, когда я только начала работать в театре, Лев был самым молодым подменным актёром. Ему дали роль мальчика, который должен был погибнуть на репетиции пожара. Салим заметил, что в сценарии неправильно обозначен выход, и попытался исправить его после генеральной репетиции. Лев знал, что изменение сорвёт завтрашнее собы-

тие, и предупредил Дамиру. Она велела не трогать линию.

Салим всё равно убрал дверную защёлку, из-за которой настоящий ребёнок должен был остаться в огне. Наутро мальчик вышел живым. А сам Салим исчез из мастерской, оставив на столе чашку с чаем.

— Ты сказал Дамире? — спросила я Льва.

— Сказал. Мне было шестнадцать. Я думал, если предупредить, они отменят сцену.

— А потом?

— Потом понял, что сцену отменять не собираются. Я пришёл к нему ночью, но дверь уже закрыли.

— И ты остался работать.

Он опустил голову.

— Да.

Я хотела сделать ему больно словами. Но Салим сказал:

— Не надо. Не снимай с него вины, но и не делай вид, что всё решается одним правильным поступком. Он был мальчишкой. Я знал, как устроен подъёмник, и всё равно полез один. Мы оба ошиблись. А Дамира знала результат заранее.

Лев смотрел на пол. Я увидела, что ему трудно дышать, как было Севе после воды.

— Ты мог рассказать мне вчера, — сказала я.

— Мог. Я боялся, что ты не пойдёшь со мной.

— Ты угадал. Я бы не пошла.

Мы молчали. Салим взял лампу и вернул на место стекло. Он старался не смотреть на нас, пока мы решали, куда

поставить ещё одну невидимую стену между собой.

— Возьмите схему нижней галереи, — сказал он наконец. — И ищите не дверь, а зрителей. Без них даже самый правильный выход останется проходом в пустоту.

На обратном пути Лев шёл на расстоянии нескольких ступеней. Я не звала его ближе. У выхода из Заулисья он вдруг остановился и сказал:

— Если решишь больше не разговаривать со мной, я пойму.

Я повернулась.

— Ты умеешь ставить свет на серебряную метку?

— Умею.

— Тогда пока разговаривать придётся.

Глава 11. Чужой голос

Дамира вызвала меня к полудню.

Её кабинет находился за ложей, откуда она смотрела представления. Там пахло мятой и горячим воском. На стенах висели рисунки старых спектаклей — штормы, свадьбы, камнепады, пожары. Ни на одном не было видно людей за кулисами. На столе стоял стакан с водой, прикрытый блюдцем, и лежала стопка чистых листов.

— Ты хорошо знакома с нижними ходами, — сказала она.

— Я их чинила.

— На свой страх и риск, как выясняется. Ты знаешь, почему там нельзя ходить после представлений?

— Там есть люди.

Дамира посмотрела на меня. Я ожидала удивления или угрозы. Она просто кивнула.

— Есть. Иногда они выходят к нам. Иногда мы слышим их сквозь стены. Йор считает, что если делать вид, будто ничего нет, они исчезнут сами.

— Йор дал мне масло. Он не так считает.

— Йор давно перестал рассказывать мне, что считает. Это его право.

Она предложила мне сесть. Я осталась стоять. С моей одежды сыпалась мелкая пыль, и на дорогом ковре уже появилась светлая полоска. Дамира не обратила на неё внима-

ния.

— Я знаю про Ину, — сказала она. — Мне очень жаль.

— Вы написали смерть моего брата.

— Я подписала представление, составленное по расчётам стеклянщиков.

— Там была его настоящая шапка.

— Да. Без личной вещи точность ниже.

— Значит, знали, что делаете.

Дамира сложила руки на столе. Она была красива особенной, тяжёлой красотой: короткие тёмные волосы, высокий лоб, строгий рот, ни одного лишнего движения. Мне всегда казалось, что если бы она пришла в наш подъёмный цех, то быстро разобралась бы в устройствах и нашла способ заставить нас работать вдвое быстрее. Теперь я видела, что она умеет заставлять людей не только работать, но и молчать.

— Ты спасла Севу, — сказала она. — Я рада. Но ты должна понимать, что не всякое спасение заканчивается этим вечером.

— Я уже знаю.

— Тогда пойми, чего ты просишь. Вернуть Ину можно попробовать. Сколько людей уйдёт за неё, мы не знаем.

Дамира повернула лежавшую перед ней программу обложкой вниз. На обороте чьей-то рукой были записаны фамилии, рядом с двумя стояли крестики.

— Я отвечала перед матерями после прошлого опыта. Ты знаешь, каково говорить человеку, что никто не может на-

звать причину исчезновения? Я знаю. И ещё знаю, что ни один из пришедших тогда не согласился бы на это заранее.

— Продолжаю. Можешь считать это моим преступлением. Только не делай вид, будто сейчас выбираешь между добром и злом, а не между живыми людьми.

— Вы зато можете каждый день отправлять туда новых.

Дамира не возразила. Она сняла блюдце со стакана, отпила воды и предложила мне работу.

— Мне нужен человек, который знает сцену изнутри. Ты умеешь видеть, где пространство не совпадает с декорацией. Я хочу, чтобы ты стала помощницей при подготовке завтрашних картин. Ты будешь читать сценарии до постановки и сможешь указывать, что опасно.

Я посмотрела на чистые листы. Их края были ровно обрезаны, на верхнем лежал карандаш.

— Сколько людей вы уже так наняли?

— Достаточно, чтобы город продолжал жить.

— Я не согласна.

— Ты ещё не выслушала условия.

Она назвала сумму жалованья. За месяц я получила бы больше, чем за полгода на колосниках. Мать могла бы оставить работу в зале, Сева — перестать носить старые башмаки, которые протекали даже в сухую погоду. Я подумала о кухне с облупленной стеной, о том, как мать каждую осень подкладывала бумагу под окно, о новых инструментах, которые Йор мог купить на эти деньги.

— А Ина? — спросила я.

— Для неё найдётся роль, когда мы будем уверены, что выход безопасен.

— Вы уже знаете, что она исчезла из-за меня. Что мешает вам сегодня назвать её имя?

Дамира отодвинула стакан.

— Рута, ты сильнее многих взрослых, которых я знаю. Но упрямство не заменяет понимания. Шестнадцать лет назад я смотрела, как уносят утонувших из нижнего квартала. С тех пор, когда мне предлагают отказаться от способа, который удерживает корабли от беды, я спрашиваю, кто выйдет к их семьям с объяснениями. Ты выйдешь?

Это прозвучало не как угроза. От этого мне захотелось швырнуть стакан в стену. Человек, который сам назначал, кто будет страдать, говорил о невозможности выбора с такой уверенностью, будто пришёл с улицы и только что обнаружил дождь.

— Дайте мне посмотреть расчёты, — сказала я.

Дамира улыбнулась впервые за разговор.

— Это уже лучше.

Она открыла ящик стола, достала тонкую папку и положила передо мной. Внутри были планы портовых затворов, старые отметки прилива, расписание репетиций. Рядом с каждым большим природным событием стояло число зрителей, которые должны были присутствовать при показе.

— Почему вам нужны зрители? — спросила я.

— Потому что иначе картина не закрепится.

Я подняла голову. Дамира не выглядела человеком, который случайно сказал лишнее.

— Вы не предсказываете будущее, — произнесла я.

— Мы выбираем из того, что может случиться, то, что город способен пережить.

— И заставляете его случиться.

— Да.

Я почувствовала, как в груди что-то сжалось, а потом стало легче. Странное облегчение: я получила подтверждение худшего подозрения. Теперь мне не нужно было гадать, сумасшедшая ли я, раз спасённый мальчик повлёк за собой исчезновение подруги.

— Тогда вы знали, что Сева утонет, если все похлопают, — сказала я.

— Я знала, что он может пойти туда. По расчётам выходило, что если он попадёт в нижнюю галерею, то нарушит более важную картину. Мы выбрали наименьшую потерю.

Я не успела ответить. Кто-то постучал в дверь. Дамира велела войти, и на пороге появился объявитель — высокий мужчина с красным воротником, тот самый, о котором говорил Гош. Он держал свёрнутую афишу.

— Рута Бель, — сказал он, разглядев меня. — Вы кстати. Сегодня нужна девушка вашего роста.

— Для чего? — спросила я.

— Мы показываем завтрашний выход рабочих на север-

ный причал. Одна из актрис сломала ногу. Дамира сказала, что вы знаете, как ходят наши механики.

Я посмотрела на Дамиру. Она сидела спокойно, ожидая решения.

— Если я выйду на сцену, что вы сыграете от моего имени?

— То, что сама выберешь, — ответила она.

Я не поверила. За спиной Дамиры в зале уже зажигали боковые лампы. Сотни зрителей придут смотреть чужое завтра; никто из них не спускался под сцену искать Ину. Если я выйду к рампе, придётся говорить громко, прежде чем объявитель заберёт слово. И Дамира будет стоять достаточно близко, чтобы меня остановить.

— Я выйду, — сказала я.

Дамира кивнула, как будто ожидала именно этого.

— Тогда начнём с простого. Ты сыграешь девушку, которая не вмешивается в чужие роли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.